

КУЛЬТУРА КАК ЦЕЛОСТНАЯ ДИНАМИЧЕСКАЯ СРЕДА*

Прежде всего разрешите от всей души поблагодарить за присуждение мне высшей академической награды, кстати, совпавшее с тем, что именно в этом году, весной, исполняется ровно 60 лет, как я непрерывно работаю в Академии наук. Мне особенно приятно отметить, что награда в каком-то смысле знаменует изменение отношения к гуманитарным наукам. Во всяком случае, это первая Большая золотая медаль, присужденная гуманитариию. Данный факт не может не радовать, поскольку он является еще одним доказательством того, что наконец-то гуманитарные дисциплины, в частности, литературоведение, история и другие, где прежде господствовала государственная идеология, получили полную, я бы даже сказал — абсолютную, свободу. Есть уже и реальные плоды таких перемен. В прошлом, 1993 году, вышло рекордное число книг — 34! — из серии «Литературные памятники», подготовлены и выпущены интереснейшие труды Советом мировой культуры при Президиуме РАН.

Словом, я счастлив, что дожил до того момен-

* Доклад лауреата Большой золотой медали имени М.В. Ломоносова академика Д.С. Лихачева.

та, когда наступила свобода научного творчества, свобода мысли.

Хочу вспомнить своих учителей и коллег, которые по праву разделяют со мной столь высокую награду. Это прежде всего мой учитель академик Виктор Максимович Жирмунский; это Борис Михайлович Эйхенбаум, в свое время, как и Жирмунский, уволенный из Ленинградского университета; Борис Викторович Томашевский, создавший текстологию, которой я занимаюсь; это Владимир Яковлевич Пропп; мой «соделец» Михаил Михайлович Бахтин, чьи идеи сейчас являются самым передовым в мировом литературоведении; мой младший товарищ Юрий Михайлович Лотман и многие, многие другие, не дожившие до этого счастливого момента — свободы науки.

Тему своего доклада я выбрал не случайно. С одной стороны, она резюмирует некоторые выводы моих многолетних исследований, с другой — очень важна для нашей текущей политики. В стране нет целостной концепции развития культуры, нет, собственно, ясного представления, что включает в себя это понятие. В него не вводятся наука, техника, образование, культурные традиции того или иного народа, поведение государственных деятелей, представителей общественных организаций и так далее. Министерство культуры занимается ограниченным кругом вопросов, более того, они рассматриваются не во взаимосвязи, а каждый сам по себе, изолированно — театр,

музыка, эстрада, литература. Между тем культура делает людей народом, нацией. Если у населения какой-то территории нет своей культуры, то его существование становится бессмысленным. Самое важное для осознания величия и значимости народа — это его культура. Не государственная или военная мощь, не наличие сырья, полезных ископаемых и тому подобное, а именно культура, которая оправдывает существование страны, народа. В понятие «Святая Русь», например, входили все религиозные ценности, которыми она обладала, — храмы, иконы, места, связанные с исторической памятью. И для нынешней России наиболее важным, определяющим ее достоинство и мировое значение, являются в первую очередь достижения в области культуры, причем не только живущих здесь народов. Хранящиеся в наших музеях произведения итальянцев, французов, немцев, китайцев, африканцев также являются российскими ценностями. За редкими исключениями они вошли в ткань русской культуры, стали ее неотъемлемой составной частью.

Смертный грех — продажа национальных культурных ценностей, передача их под залог (ростовщичество всегда считалось в европейской цивилизации самым низким делом). Недопустимо не заботиться о них, принимать решения, которые так или иначе дают культуру, не позволяют ей развиваться.

Культурным достоянием народа не вправе рас-

поряжаться ни правительство, ни парламент, ни Президент. Да и ни одно поколение не может считать культурные ценности всецело своими. Они завещаны предками, коренятся в истории и в то же время принадлежат будущим поколениям.

Культура народа — целостное динамическое явление, ее следует трактовать как определенную среду, из которой нельзя, как в игре в бирюльки, вытащить какую-то часть, не потревожив остальных и не нанеся вред целому.

Надо признать, что многие специалисты нередко рассматривают произведения искусства с неправильной, односторонней точки зрения, «укладывая» их в схему, на одном полюсе которой — творец, создатель, а на другом — получатель, то есть зритель, слушатель, читатель. Тем самым понятие культуры чрезвычайно сужается, как бы ограничивается неким пространством, где кто-то ее творит, а кто-то воспринимает. Между тем культуру создает не только автор произведения, но и тот, кто им пользуется, и потому очень важно, чтобы в этой цепочке присутствовало еще и сотворчество. Автор (если он талантлив) всегда оставляет нечто, что домысливается, «дорабатывается» затем зрителем, читателем, слушателем. Это особенно хорошо ощущается в произведениях великих мастеров, творивших в эпохи расцвета культуры, в искусстве античности, Древней Руси, в романском искусстве, в XVIII веке.

В романском искусстве, например, при одина-

ковом объеме и одинаковой высоте колонн капители и материал, из которого они сделаны, все же значительно отличаются. Приходится, как говорится, «домысливать одинаковость». То же самое просматривается и в древнерусском зодчестве.

В романском искусстве поражает и другое: чувство принадлежности к священной истории. Крестоносцы привозили с собой из Палестины колонны и ставили обычно одну из них среди сходных по параметру колонн, сделанных местными мастерами. Христианские храмы воздвигались на развалинах языческих. Тем самым зритель имел возможность домысливать то, что было задумано творцом.

Реставраторы XIX века не понимали этой особенности и обычно стремились к точной симметрии. Когда, скажем, достраивался собор в Кёльне, то обе фланкирующие фасад собора башни с немецкой аккуратностью были сделаны абсолютно одинаковыми, в результате чего этот памятник архитектуры не вызывает тех эмоций, которые вызывает Реймский собор. К такой же симметрии стремился французский реставратор Виолле ле Дюк в соборе Нотр-Дам в Париже, хотя различие оснований обеих башен достигало более метра и не могло быть случайным.

Жесткая точность, как и полная завершенность, противопоказаны искусству. Великие произведения обычно не закончены. Это и «Евгений Онегин» Пушкина, и «Братья Карамазовы» Досто-

евского, «Война и мир» Льва Толстого. Не закончены великие драмы Шекспира, тот же «Гамлет». Каждый читатель трактует произведения, созданные в предыдущие эпохи, по-своему, воспринимает их с позиций своего времени.

Югославский ученый Александр Флакер ввел очень важное понятие — стилистическая формация. Речь идет и о готике, и о барокко, которое охватывает не только зодчество, но и литературу, музыку, живопись и даже в известной мере науку (стиль мышления), и о классицизме, и о романтизме, и о так называемом романском искусстве (англичане называют его норманнским стилем), и о стиле модерн. Но только посредственные художники строго следуют системе определенного стиля, великие творения обычно создаются на грани двух стилистических формаций. Так, замечательный Мраморный дворец гениального итальянского зодчего А.Ринальди в Петербурге, выстроенный в 1768–1775 гг. в стиле классицизма, несет в себе (причем в самом важном месте — в центре) и элементы рококо. Найти рококо в классицизме и наоборот — в этом заключается задача образованного зрителя. А вспомните Гоголя, в чьем творчестве переплетены натурализм и романтизм, или Достоевского, соединяющего реализм с натурализмом и романтизмом. Все выдающиеся произведения искусства пограничны, и все они требуют домысливания и сотворчества. Сказанное в полной мере относится к XX веку. В нашей стране

это и ЛЕФ, и конструктивизм, и агитискусство, и литература факта, и кубофутуризм. В целом единство культуры в XX столетии проявляется в некоторых отношениях даже ярче, чем в предшествующие эпохи.

Точное и неукоснительное следование всем особенностям какого-либо стиля — удел людей малоталантливых. Сотворчество автора, читателя, зрителя, слушателя — это только первая ступень единства культуры, единства ее материала.

Хочу обратить ваше внимание на то, что язык народа не просто выражает мысль, наблюдения, служит средством коммуникации и т. д. Язык сам по себе прежде всего творец, создатель; ведь то, что не имеет названия, для человека не существует. И с этой точки зрения несколько наивный, быть может, библейский рассказ о том, как Бог повелел человеку дать имена всем животным, чрезвычайно важен.

Русский язык в силу ряда обстоятельств необычайно богат. Он создавался на огромной территории, заселенной различными племенами и народностями, благотворное влияние на его развитие оказал церковнославянский язык. По мнению Алексея Александровича Шахматова и многих других специалистов, наш литературный язык, по существу, язык церковнославянский, в который лишь введены элементы русского народного языка.

С моей точки зрения, в язык входят и некото-

рые, ставшие уже символами, культурные явления, например, не только поговорки, пословицы, фразеологизмы, отдельные выражения и цитаты из басен Крылова, из «Горе от ума», из пьес Островского, произведений Лескова, из русских романсов и опер, но и целые образы: Обломов, Фамусов, Репетилов, Скалозуб, Митрофанушка и так далее. К языку относится все увиденное «глазами языка» и созданное языковым искусством. В русское языковое сознание через живопись, музыку, переводы, через греческий и латынь вошли понятия и образы мировой литературы. Созданная русским языком культуросфера (если можно так сказать, используя выражение Вернадского) была необычайно богата, однако сейчас она катастрофически быстро беднеет. Происходит это не только потому, что язык перестал творить и «видеть» многие явления. С исчезновением некоторых из них исчезает и слово. Вот, допустим, слово «учтивость». В пассивном языке оно еще существует. Мы понимаем, что оно означает, но очень редко его произносим. Гибнет слово, и исчезает само явление, которое с этим словом связано.

Вначале было слово — не только как лингвистический феномен, но как логос. Это начальное словотворчество, оно сейчас стремительно падает, а вместе с тем обедняется культура.

Когда в школах в 1918 году запретили преподавать Священное писание, особенно Ветхий завет и

церковнославянский язык, это нанесло крупнейший урон языку. Исчезло множество слов, связанных с церковнославянским бытом, с Библией, с Псалтырем, стали непонятными многие выражения из псалмов и т. д. Оторвался целый пласт русской культуры.

Культура представляет собой органическое целое, которое все время меняется, причем движение не останавливается традицией и накоплением ценностей, а регулируется. Культуру народа как целое можно уподобить леднику, медленно и мощнодвигающемуся среди гор.

Обратите внимание на такой чрезвычайно любопытный факт. Ни один из типов, созданных великими русскими писателями Грибоедовым, Гоголем, Крыловым, Фонвизиным, не исчезает из литературы. У Салтыкова-Щедрина, например, действуют Репетилов, Скалозуб, Чичиков, Митрофанушка. Они продолжают жить в новой среде, у них рождаются дети, внуки, которые, в свою очередь, становятся чрезвычайно характерными для своей эпохи. Если проанализировать русскую литературу с этой точки зрения, то есть с точки зрения литературной традиции, то вся она предстанет как единое огромное литературное произведение.

Любопытно, что Достоевский в своих ранних повестях пользуется тем приемом, который потом развил Салтыков-Щедрин. При этом он вводит в свои «Зимние заметки о летних впечатлениях»

ях», «Записки из подполья» еще и античную литературу, а также современную ему французскую, немецкую, английскую.

Сейчас огромную популярность (особенно в Петербурге) получила идея, согласно которой нас следует причислять к евразийцам. Для меня многое тут неясно, ведь евразийство — это скорее эмоциональное понятие, чем логическое. Как некое эмоциональное течение оно возникло в 1921 г. в среде русской эмиграции в Болгарии, но в целом исходило из той эмоции, которую задал Блок в стихотворении «Скифы». Основная причина возникновения этого течения — военные поражения России, а его бурное развитие в эмиграции объясняется тем, что на это наслонились события, связанные с октябрьским переворотом. Национальные чувства русских были ущемлены, и они провозгласили себя азиатами, которым не писаны европейские законы. «Да, мы потерпели поражение, но еще посмотрим, чем обернется ваша победа», «Придите в наши мирные объятия» — вот формулы, заданные Блоком.

Между тем азиатское начало в русской культуре — не более чем мираж. Мы находимся между Европой и Азией лишь географически, я бы даже сказал, картографически. Если смотреть на Россию с Запада, то она, конечно, расположена на Востоке или, по крайней мере, между Востоком и Западом. Но ведь, например, французы видели Восток в Германии, а немцы, в свою очередь,

усматривали его в Польше. При этом, вопреки рассудку, Восток всегда выступал как нечто оценочное и более низкое, чем Запад. С этой точки зрения евразийство в какой-то мере умаляет значение русской культуры.

Замечательный русский археолог Анатолий Леопольдович Якобсон утверждал, что никаких восточных заимствований в древнерусской архитектуре нет, есть лишь отдельные элементы в орнаментах XVI века. Примечательно также, что вся восточная тематика в древнерусской литературе приходила к нам с Запада, ни один сюжет не пришел непосредственно с Востока. То же можно сказать о восточных мотивах в творчестве Пушкина, которое охватывало собой весь культурный мир своего времени.

Россия не знала типичных для Сербии, Болгарии и существовавших даже в Польше и Венгрии «потурченцев», то есть представителей своих, коренных, народностей, принявших ислам. Симеон Бекбулатович, которого Грозный посадил на царство для устрашения, был чисто театральной, балаганной, скоморошьей фигурой. А вот Казанское царство воспринималось серьезно, его силой гордились, храбрость татар воспевалась, татарские князья были признаны в своем княжеском достоинстве (Юсуповы, а в XIX веке эмиры Бухарские были, кстати, богаче царствующих Романовых).

Для России, как и для Европы — например, Испании, Италии, Венгрии, Сербии — всегда

большее значение имело противопоставление Юга и Севера, то есть Византии и Скандинавии, чем Востока и Запада. С Юга, из Византии и Болгарии к нам пришла духовная европейская культура, а с Севера — другая, языческая, дружинно-княжеская военная культура Скандинавии. Русь естественнее было бы назвать Скандовизантией, чем Евразией. Мы принадлежим к европейской культуре, и наша культурная среда — европейская. Примечательно, что именно Европа, точнее, европейская университетская культура лучше всего понимает культуры других стран, времен и народов: античную, ближневосточную, египетскую, африканскую, исламскую, буддийскую. По сути дела, это общечеловеческая культура.

Итак, культура представляет собой единство, из которого нельзя удалить ни одной части без ущерба для остальных. Это целостная динамическая среда, и все ее составляющие должны развиваться вместе...

Культура не имеет границ, замкнутость неизбежно ведет к ее обеднению и вырождению, к гибели индивидуальности. Здесь могут действовать две, казалось бы, противоположные тенденции. С одной стороны, национальный мазохизм, охаивание всего, что связано с Россией и русским народом, а с другой — наоборот, ущемленный патриотизм (по выражению Достоевского), который умаляет значение всего, что окружает русский народ, провозглашает особую миссию, особую

национальную судьбу России. Эти тенденции порождены национальным комплексом, национальной ущемленностью, которые сейчас получили столь широкое распространение. В результате страдает наша культура. Преодолевая в себе эту национальную закомплексованность, мы должны решительно отвергнуть попытки увидеть спасение отечественной культуры в нашем положении между Азией и Европой, в весьма сомнительной теории евразийства. Мы принадлежим к европейской университетской культуре, изучающей и усваивающей все ценное, что накопила человеческая цивилизация, и именно это открывает нам ворота ко всем другим культурам.

Концепция Достоевского об универсальности, общечеловечности русских справедлива лишь в том отношении, что мы близки к остальной Европе, обладающей именно этими качествами. Лучшим доказательством тому является дореволюционная Российская академия наук, уделявшая большое внимание востоковедению, знанию других стран. Петербург и Москва являлись центрами грузинской и армянской культур, здесь также развивались арабистика, китаеведение, японистика, африканистика, финноугроведение, кавказоведение, индология, тюркология, были собраны богатейшие коллекции на Аляске, в Полинезии.

Многонациональный общечеловеческий характер русской культуры сказался на языке, му-

зыке, живописи, балете, литературе, и сейчас очень важно не дать ей ослабнуть, потерять цельность. Необходимо развивать нашу университетскую, академическую культуру, представленную в первую очередь Академией, делать все возможное, чтобы возродить культурные традиции России.